

ВОЗМОЖНОСТИ УСИЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА КАК БАЗИС СТРУКТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ПРЕДПРИЯТИЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

OPPORTUNITIES FOR STRENGTHENING INNOVATIVE CAPACITY AS A BASIS FOR STRUCTURAL MODERNIZATION OF INDUSTRIAL ENTERPRISES: REGIONAL ASPECT

N. Lebedev

Summary. The issues of innovative development of industrial enterprises in the context of structural modernization are considered.

It is shown that the vast majority of innovatively active enterprises of the industrial complex generate only a small amount of high-tech products.

Innovative problems of the enterprises of a number of branches are revealed, possible directions of their localization are offered.

It is concluded that in order to seriously promote the structural modernization of industrial enterprises, it is necessary to give advanced development to the modern infrastructure of industry, aimed at strengthening its industrial and innovative potential.

Keywords: structural modernization, innovatively active enterprises, innovation process, innovation index, innovation potential, high-tech sector.

Лебедев Никита Андреевич

*Д.э.н., профессор, в.н.с., ФГБУН Институт экономики
Российской академии наук
www.ieras@inecon.org*

Аннотация. Рассмотрены вопросы инновационного развития промышленных предприятий в контексте структурной модернизации.

Показано, что значительное большинство инновационно активных предприятий промышленного комплекса лишь в незначительном объеме генерируют высокотехнологичную продукцию.

Выявлены инновационные проблемы предприятий ряда отраслей, предложены возможные направления их локализации.

Сделан вывод, что для серьезного продвижения структурной модернизации предприятий промышленного комплекса необходимо придать опережающее развитие современной инфраструктуре промышленности, направленное на усиление её индустриального и инновационного потенциала.

Ключевые слова: структурная модернизация, инновационно активные предприятия, инновационный процесс, инновационный индекс, инновационный потенциал, высокотехнологический сектор.

Динамика структурной модернизации отражена, прежде всего, в концептах социальных, философских и экономических доктрин, где как важнейший эволюционный фактор признаётся важность и необходимость развития технологических инноваций [1]. Данная проблематика в контексте преимущественно общих определений модернизации постоянно развивается, включая достаточно широкий простор мнений. При том, что термин «модернизация» имеет комплексный характер, мы усиливаем акценты на её экономической составляющей.

Значительное большинство инновационно активных предприятий промышленного комплекса практикует

привлечение инвестиционных ресурсов, что, с одной стороны, определяется уровнем производственного потенциала, внедрением стратегий повышения их конкурентоспособности, а с другой, совокупностью взаимосвязанных функций управления производственным процессом.

Анализ показывает, что в соответствии с программными документами Министерства экономического развития [2], где очерчены целевые ориентиры, необходимо усиливать инновационный процесс, что диктуется важностью реализации нововведений и может способствовать структурной модернизации предприятий промышленности.

Целевые ориентиры могут, в частности, содержать возможные сценарии дальнейшего развития темпов роста инвестиций в инновационное развитие — инновационный и консервативный. В первом случае прирост инвестиций может определяться обширной технологической модернизацией отдельных отраслей, ориентированных на реальную экономику, в частности, на транспорте, в медицине, в промышленности, в банковском секторе. Так, к 2030 г. предполагается рост инвестиций, например, в машиностроении в шесть раз по первому сценарию, и почти в восемь раз — по второму [3]. Действительно, инновационный процесс усиливает, в частности, практические действия, ориентированные на инвестиционные вложения в инновационные объекты.

Современный инновационный процесс опирается на административные методы управления, имеющие свои особенности. На государственном уровне система управления общественным производством стимулирует приоритеты и отбор федеральных инвестиционных проектов и целевых программ по видам инноваций. На региональном уровне управление сосредоточено более на целях (обновление номенклатуры продукции, технологии), общих принципах (гибкости, комплексности, учёта инновационных работ), методах (административных, финансовых и т.п.).

Региональные участники инновационного процесса репрезентируют направленность своей практической деятельности, их работа в определённой мере определяет административные решения. В тоже время, инновационная политика как процесс приводит в соответствие отдельные несовпадающие интересы многочисленных отраслевых институциональных учреждений. Влияние когеренции установок инновационной политики может быть различным [4], что определяет необходимость формирования отдельного принципа работы участников инновационного процесса.

Административные методы управления, со своей стороны, могут способствовать непосредственным управленческим решениям по структурной модернизации промышленных отраслей при преобладании инновационно активных предприятий промышленного комплекса.

Практика, однако, показывает, что инновационно активные предприятия лишь в незначительном объёме генерируют высокотехнологичную продукцию, в том числе в силу как недостаточного спроса на инновации, так и низких доходов от лицензий и дивидендов, хотя позиции отечественной экономики в оценке инновационных возможностей постепенно улучшаются [5]. Незначительные объёмы выпуска инновационной продукции обусловлены, видимо, и недостаточным интере-

сом участников инновационного процесса, в частности, предпринимателей, не усматривающих создания оптимальных условий и преимуществ бизнесу. Не во всём срабатывают меры по наращиванию модернизации инновационного направленных промышленных предприятий; обсуждаются вопросы определения приоритетности целевых программ и на этой основе разработки общерегиональной методики оценки их эффективности и результативности, что определено Бюджетным кодексом РФ [6]; в отдельных регионах не преодолен дисбаланс инновационной активности, ресурсного обеспечения и результативности инновационной деятельности [7] и т.п.

Анализируя отечественную инновационную систему, следует отметить, что по данным доклада «Глобальный инновационный индекс» (Global Innovation Index), где сопоставляются инновационные системы 129 стран, Россия в общем рейтинге занимает сегодня 46-е место. В 2019 г. на 11 позиций были улучшены показатели субиндекса ресурсов инноваций, но снижены на 10 позиций по степени воздействия на экономику и общество итогов инновационной и научно-технической деятельности [8].

Глобальный инновационный индекс показал, что отечественные регионы за последний период, с одной стороны, усовершенствовали инновационный потенциал, улучшив позировку. С другой стороны, данные инновационной деятельности снизились. Показана их отсталость от развитых и ряда быстроразвивающихся стран по большинству показателей, дающих представление, в частности, об эффективности использования ресурсов и степени воздействия инновационной и научно-технической деятельности на экономику и уровень социально-общественного развития [9].

При этом, ни рыночные механизмы, ни корпоративно-государственные инструменты, как и ранее плановые методы не смогли преодолеть в целом отрицательную динамику инновационной системы, что снижает возможности структурной модернизации промышленных предприятий. Тому имеется ряд причин, носящих перманентный и непреодолимый характер. Это и низкие затраты на инновации, недостаточные показатели инновационной активности и т.п.

Сегодня, как и два-три десятилетия назад, гипогенные причины структурно-технологических трудностей предприятий всё те же: деградация промышленных предприятий, износ фондов предприятий, слабая материальная база инновационноёмких отраслей. На предприятиях деформируется кадровый потенциал, организующий квалифицированное управление инновационным процессом, деформируется квалификация кадров среднего

звена, непосредственного выполняющих проектирование, конструирование и изготовление инновационных разработок. Ассигнования на гражданскую науку хотя и возрастают, но всё же в силу бюджетных ограничений находятся на низком уровне, составив 433 млрд. руб. с учётом секретных разработок [10]. Продолжают снижаться практически все индикаторы научно-технологической безопасности страны [11].

Если говорить о гипергенных факторах, усиливающих деструктивное состояние предприятий, первое — это то, что инновации далеко не всегда дают отечественным учредителям предприятий желаемую прибыль, поэтому для её максимизации применяется система конкретных приёмов управления прибылью, свободная от внедрения инноваций, в частности, фьючерсы на золото или обезличенные металлические счета.

По этой причине, хотя внедрение инноваций и даёт промышленным предприятиям возможность получать продукцию с высоким стоимостным форматом, всё же они усматривают в такой возможности реальные рыночные риски.

Как видим, путь структурной модернизации промышленных предприятий имеет сегодня и будет иметь в определённой перспективе догоняющий характер, а инновационная модель развития будет видаться заманчивым шансом. А для того, чтобы структурная модернизация предприятий промышленного комплекса смогла серьёзно продвинуться, необходимо придать опережающее развитие современной инфраструктуре промышленности, направленное на усиление её индустриального и инновационного потенциала [12], что потребует самых серьёзных инвестиций (к примеру, США в 2017 г. затратили на НИОКР 511 миллиардов долл., КНР — 451 миллиард. В России в 2017 г. выделено 307,5 млрд. рублей) [13].

Как уже отмечалось, возможно, начинает меняться траектория государственных приоритетов социально-экономического и научно-технического развития. Во всяком случае, этому способствуют как минимум три цели из обозначенных в Указе Президента РФ В.В. Путина № 204 от 7 мая 2018 г. в контексте необходимости решения проблемы ускорения высокотехнологического сектора [14], что, конечно же, вытекает из определяющих приоритетов промышленной политики, важности преодоления сырьевой роли России.

Обозначенные в Указе потенциальные приоритеты инновационного развития, в частности, ставят задачу не менее чем на пять процентов повысить производительность труда «на средних и крупных предприятиях базовых несырьевых отраслей экономики», что видится

труднореализуемым. В этой связи важно сформировать благоприятные условия, содействующие диалектике стратегической направленности реализации указа Президента В.В. Путина, его экономических, технологических и социальных аспектов, чему в определённой степени должен способствовать Федеральный конгресс «Приоритеты 2024» [15], где будет сделана попытка построить открытый диалог власти, деловых сообществ, научных кругов и представителей профессионального некоммерческого сектора.

Во всяком случае, декларируемые в «Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года» [16] траектории целей по инновационному сценарию пока остались в большинстве своём нереализованными, что вызывает тревогу. Так, по паритету покупательной способности в процентах к мировому объёму ВВП, наша страна отстаёт от Китая в семь, а от США в пять раз; динамика роста ВВП по прогнозу идеологов концепции составит в 2020 году около 5,8%, планировалось — 15% [17]. Индекс ИПЕМ-спрос в отраслевом разрезе по данным на июнь 2019 г. составил по добывающим отраслям — минус 0,1%, по низкотехнологическим отраслям — минус 2,6%, по среднетехнологическим отраслям — минус 5,8%, по высокотехнологическим отраслям — минус 6,5% [18]. Индекс ИПЕМ показывает, что не реализуются меры по развитию предприятий промышленности и усилению их инновационного потенциала, не используются кредитные механизмы, которые смогли бы эффективно стимулировать развитие региональных промышленных предприятий. Возможно, это стало следствием снижения объёмов затрат бюджета, запланированных на данный период на репродукцию развития промышленности. Понятно, что в условиях политического противостояния между странами снижены возможности торговли финансовыми услугами и поступления иностранной валюты и её монетизации, что подтверждается статистикой: прямые иностранные инвестиции в Россию по данным ЮНКТАД составили в 2016 г. — 37 млрд. долл., в 2017 г. — 26 млрд. долл., в 2018 г. — 13 млрд. долл. (в США в 2018 г. было инвестировано 252 млрд. долл.) [19]. Снижение инвестиционных показателей требует поддержки среднетехнологических и высокотехнологических отраслей, внедрения новых разработок, применяемых в промышленности.

Подобное усиление инновационного процесса позволит стать драйвером роста региональной промышленности, для чего было бы правильным шагом локализовать рост стоимости электроэнергии для промышленных предприятий, включающую оптовую стоимость электроэнергии на рынке, стоимость услуг инфраструктурных подразделений, сбытовых надбавок и тарифа на услугу по передаче электроэнергии. Даже

при том, что в регионах, как правило, имеются крупные генерирующие предприятия, стоимость электроэнергии остаётся достаточно высокой, что сдерживает промышленное развитие. Для снижения тарифов важно на долгосрочной основе пересматривать параметры перекрёстного субсидирования между промышленностью и населением, проводить аудит стоимости электроэнергии, что усилит контроль регулятора за деятельностью региональных сетевых организаторов, ввести оплату за резервы мощности, что позволит перераспределить существенный энергоресурс реальным потребителям, а не оставлять его неиспользованным, консолидировать сетевой комплекс, что сокращает износ оборудования и повышает уровень надёжности энергоснабжения и т.п., но при этом нельзя допустить роста тарифов для населения. Если не решить эти задачи, то размещать производственные мощности будут в регионах, предоставляющих более выгодные условия.

Не менее важным остаётся вопрос смягчения налоговой нагрузки -налоговая политика не создаёт стимулов для инновационного роста. Так, не состоялось снижения НДС, наоборот, с 1 января 2019 года основная ставка достигла 20%. Увеличена расчётная ставка НДС [20]. Законом о бюджете предусмотрено, что в 2019 г. бюджет получит от нововведения 6,9 трлн. рублей или 37,9% доходов от НДС, тогда как в 2017 г. бюджет получил 5,1 трлн. рублей или 34% доходов. Вместе с тем, повышение НДС приведёт к ежегодному изъятию из экономики 0,55% ВВП [21].

Стимулирование инновационного роста региональной промышленности могло бы быть реализовано путём модернизации предприятий гражданского авиапрома, что к 2025 г. может дать возможность производить около 150 гражданских самолётов в год («Боинг» выпустил в 2018 г. с заводов 806 самолётов). Сегодня отечественный гражданский авиапром в необходимом количестве авиалайнеры не производит. Эксплуатирующие предприятия три четверти авиаперевозок осуществляют на импортных моделях. Авиаперевозчикам экономически выгодно приобретать самолёты за рубежом, т.к. 90% их стоимости оплачивает не авиакомпания, а группа банков страны — производителя покупаемых самолётов. Самолёты таким образом, берут в лизинг, потому что отечественные банки не предоставляют авиаперевозчикам подобных банковских услуг и им выгоднее приобретать гораздо более дорогие импортные самолёты — это, во-первых. Во-вторых, проблема в том, что налицо нехватка интеллектуального потенциала, специалистов, которые могли бы выполнять программы по строительству самолётов. Третье — авиазаводы имеют лишь небольшие объёмы производства, что привело к государственному недофинансированию производства. Решить проблему возможно обновлением авиапарка, зна-

чительным увеличением производства отечественных самолётов.

Усилить инновационный потенциал возможно через активность нефтегазовых предприятий, имеющих для этого необходимые ресурсы — технологические, инфраструктурные, производственные и т.п. Между тем, проблема в том, что предприятия нефтегазового сектора предпочитают использовать зарубежные технологии и оборудование; их удельный вес в осуществлении технологических инноваций не более 10%, в то время как, например, в немецких предприятиях он достигает 65%, следствием чего стал застой в наукоёмкости продукции нефтегазовых предприятий — 0,12% (в США — 0,60%) [22]. Таким образом, большой объём природной ренты, формируемой от использования месторождений, остаётся в распоряжении зарубежных инвесторов.

Безусловно, стимулы для инновационного роста региональной промышленности и экономики в целом не создаются, что делает невозможным усиление инновационного потенциала, слишком много препятствий удерживают отечественные предприятия от возможности структурной модернизации.

Остаётся только надеяться, что ожидаемые результаты реализации Программы, которые обозначены в Постановлении Правительства РФ, в частности, рост к 2024 г. до 50% в общего количества инновационно активных предприятий, реализующих технологические инновации; к 2024 г. наращивание до 25 млн. человек численности занятых в области малого и среднего предпринимательства, в т.ч. индивидуальных предпринимателей; повышение до 32,5% доли малого и среднего предпринимательства в ВВП приведут, наконец, к структурно-технологическим сдвигам.

Улучшение качественных показателей Программы, в частности, сведение к минимуму предпринимательских и инвестиционных рисков, создание эффективной нормативно-правовой базы в сфере земельных отношений, государственного кадастрового учёта объектов недвижимости и государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним, геодезии, картографии и инфраструктуры пространственных данных РФ; усиление гарантий защиты прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей; повышение качества системы стратегических документов и создание механизмов их реализации [23] будет, наконец, достигнуто, перестанут доминировать низкие технологические уклады, снизится торможение модернизации и удастся вывести промышленные предприятия из области модернизационной имитации на траекторию развития не только на уровне риторики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Серкин, П. Е. Теория социальной модернизации в контексте объективного развития техногенной цивилизации: автореф. дисс. канд. философ. наук. — Казань, 2003. — С. 3–6.
2. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. — М., Минэкономразвития РФ 2013.
3. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. Минэкономразвития РФ. — М., 2013. — С. 130–131.
4. Сироткин, С. В. Совершенствование методов прогнозирования в инновационной деятельности // Управление общественными и экономическими системами [Электронный ресурс] — Орёл. — 2006. — № 2.
5. Матковская, Я. С. Почему Россия не инновационная страна? (Инновационный потенциал России: тенденции и перспективы) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2014. — № 10 (247). — С. 26–27.
6. Ст. 34 Бюджетного кодекса РФ ФЗ от 31.07.1998 г. № 145-ФЗ (в редакции от 3.12. 2011 года).
7. Митяков, С.Н. и др. Инновационное развитие регионов России: результаты мониторинга (на примере Приволжского федерального округа // Инновации. — 2017. — № 8 (226). — С. 119.
8. Власова, В.В., Рудь, В. А. Глобальный инновационный индекс — 2019 // https://issek.hse.ru/data/2019/07/24/1481491446/NTI_N_137_24072019.pdf
9. Global Innovation Index — 2019 [URL: <http://www.globalinnovationindex.org>].
10. <https://www.rbc.ru/economics/21/09/2018/5ba3bc4f9a7947172541a5ff>
11. Ленчук, Е. Б. Как ускорить процесс перевода российской экономики на рельсы инновационного развития // Управление наукой и наукометрия. — 2010. — Вып. 9. — С. 82–92; Шарова И. В., Шик, Е. В. Анализ инновационной активности России на основе международного сопоставления // Экономические исследования и разработки Научно-исследовательский электронный журнал. — Нижний Новгород, — 2019. — Вып. 6. — С. 93–103; Гасанов, М. А. Структурная модернизация — фактор устойчивого развития экономики: автореф. дисс. канд. эконом. наук. — Томск, 2004. — С. 3.
12. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 328 (ред. от 29 марта 2019 г.) «Об утверждении государственной программы РФ «Развитие промышленности и повышение её конкурентоспособности» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162176/a620939ec3f15cf9416805be5b59b2f958c7a674/
13. Деньги. Приложение. — № 46 от 21.10. 2019. — С. 10 // www.kommersant.ru/doc/4117787
14. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения 07.06.2018).
15. www.2024.ruskongress.ru
16. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р
17. Гальчева, А. Концепция развития страны оказалась невыполнимой. Почему разошлись траектории национальных целей 2008 года и фактического развития страны // — РБК. № 74 (3129). — 02 ноября 2019 года.
18. http://ipem.ru/files/files/index_archive/20190717_index_jun2019.pdf
19. <https://www.rbc.ru/economics/14/06/2019/5d022dfb9a79472f5bc8e4ce>
20. Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 303 — ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ о налогах и сборах» // www.garant.ru
21. <https://www.rbc.ru/economics/01/01/2019/5c1b70509a7947f14ddc7bd5>
22. Филимонова, И.В. и др. Основные проблемы инновационного развития нефтегазовой отрасли в области добычи нефти и газа // Бурение и нефть. — 2014. — № 4. — С. 165–184.
23. Постановление Правительства РФ от 29 марта 2019 г. № 379 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72117260/>

© Лебедев Никита Андреевич (www.ieras@inecon.org).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»